

В день рождения художественного руководителя Театра драмы и поэзии «Белый мост» Зои КУЛИКОВСКОЙ, который случился в конце второй декады сентября карантинного 2020 года, артисты театра поздравили своего режиссёра — спектаклем. Здесь, в Театре драмы и поэзии «Белый мост», на этом уникальном театральном острове, созданном Зоей Николаевной Куликовской, даже самые трагические, на разрыв аорты, стихи звучат — как гимн жизни, как признание её чудом из чудес. Как противостояние пошлости и расчеловечиванию. Как ответ — Богу...

ПЕРВАЯ МИЗАНСЦЕНА

Сцена здесь не имеет чётких границ между актёрским пространством и зрительным залом. Потому что это — репетиционная комната. И то, что мы все сегодня собрались именно здесь, глубоко символично: здесь рождались и продолжают рождаться первые эскизы спектаклей, здесь звучат самые главные слова режиссёра, здесь всё надыхано и вибрирует от эмоций, сохранённых этими стенами. Чёрная одежда сцены. Но сцена распространяется за зрительские стулья, втягивая в себя даже тех, кто расположится на самой что ни на есть «галёрке». Стремительный флуоресцирующий свет пройдёт над нашими головами, выхватив из темноты стенд-мольберт, на котором размещены фотографии любимых авторов театра: Гумилёв, Цветаева, Ахматова, Бродский, Мандельштам, Галина Данильева.

В самом начале этого необычного спектакля сама собой возникнет незапланированная мизансцена: режиссёр останавливается напротив этих фотографий и говорит: «А можно переместить Гумилёва вот сюда, в верхний ряд?». С Гумилёвым — отношения особые: поэтический театр Зои Куликовской в том виде, каким мы его знаем сегодня, начинался с гумилёвских «Капитанов», приходивших в снах и видениях сцен «Отравленной туники» и напряжённого осмысления судьбы и места поэта в терзаемой революционными противоречиями России.

А потом начнётся сам спектакль — дань уважения и признательности Мастеру от учеников.

ОТ ИМЕНИ ПОЭТОВ

Коллаж из фрагментов поставленных Зоей Николаевной спектаклей, выстроенных и «подогнанных» так, будто это единое цельное повествование, становится полноценным театральным высказыванием — с про-

логом, кульминацией, развитием мысли и звонким и неожиданным финалом (режиссёрский дебют Варвары Жирновой — несомненная творческая удача и свидетельство того, что ученики восприняли и готовы развивать полученное от учителя).

Итак, сцена. Сдержанное чёрно-белое решение. Актриса Светлана Логинова: подчёркнуто независимый, мужской, стиль одежды, поднятый ворот белой рубашки, руки обхватывают плечи. Изысканная стильная иллюстрация женской независимости, приправленной едва заметным вызовом. Серебряный век или время Коко Шанель? Негромко, как бы про себя: *«Я не знаю моих предков, — кто они?..»* Пластика, сама поза едва уловимо отсылают нас к знаменитому портрету Брюсова, мгновенно маркируя время действия. Да, конечно же, Серебряный век, время артистических клубов-мастерских, изысканных журналов, полуночных дискуссий, стихов, внезапных обжигающих романов и дружб, и таких же внезапных разрывов. Такая женщина могла появиться в мастерской Елизаветы Кругликовой или Александра Бенуа и вот так, прямо с порога, отрешённо произнести это своё *«Я не помню своих предков»* — обращаясь в пространство будущего: к нам. Софья Парнок...

«Быть может, я тебе не нужен, ночь...» — почти перебивая, ответит ей другая женщина. Длинное платье, босые ноги, чуть заметная улыбка боттичеллиевской Весны: Варвара Жирнова использует минимум выразительных средств, но её появление, её голос — значимы. Она говорит от имени Мандельштама. В одно касание она раскрывает чёрные ширмы в центре сцены, и там, за «створками раковины», на втором, глубинном, плане вырастает дерево с исписанными листками вместо листьев, там — все грядущие шёпоты, туманы и дожди. И новые поэтические «листья». И новые поэты, которым ещё только предстоит родиться и сказать вечному поэтическому саду: *«Даруй моим словам / стволов круженье, истины круженье...»* (Бродский). Двое сидят под этим волшебным деревом. Текут слова, сплетаются рифмы. Босоногая девочка (Настя Новикова) поднимается с колен, прикаснется к ветвям: *«...а с деревьями вышел роман./ Лишь с деревьями...»*. Улыбнется, обнаружит, что весь мир — живой, одухотворённый: *«Это август присел у постели»*.

ЗАПАХ СГОРЕВШЕГО СЧАСТЬЯ

Переход к стихам современного московского поэта Галины Данильевой — естественный. Так же естественно и мягко вырос внутри театра Зои Куликовской поэтический театр Галины Данильевой. И здесь, в сегодняшней композиции, листки «Писем из невозвратного», сыгранных Алексеем Жирновым и Татьяной Парфёновой, — как мост между давно ушедшими великими и сегодняшним нашим днём, в который с разбега влетает юная путешественница по крымским горам — в тельняшке, с рюкзачком на плече, спутанной чёлкой и способностью чувствовать всё вокруг — живым и дышащим. Она сообщает, что её сердце чувствует себя в горах — как сердце птицы. Насмешничает: я приеду сильной и это я буду тебя носить на руках!

Но драматический слом и расставание — уже рядом. И герой Алексея Жирнова, прислушиваясь к себе и своим снам, выдохнет сокровенное, непонятное чужим: *«Ты пахнешь январской сиренью, / разбуженной рано, / расстрепанной, / розово-бледной, / нездешней и странной...»*. Это уже — в одиночестве. Том великом одиночестве, которое очень часто посещает одарённых глубокими чувствами людей, особенно — поэтов... Но есть и утешение. Рождается потрясающая поэтическая формула: *«Так в запахе горя / есть запах / сгоревшего счастья»*. И: *«Сколько любви за жизнь!»*. Есть утешение: тексты перетекают один в другой, продолжают друг друга. Швов, нестыкочков, «неадекватности» — нет. Великие приняли современного поэта — на равных.

А потом была цветаевская «Метель». Но о «метельном» фрагменте — чуть позже.

МОСКОВСКИЙ СЮРПРИЗ

Потому что был ещё внутри спектакля моноспектакль-сюрприз! Из Москвы за несколько минут до начала приехал Роман Лисин, взрослый состоявшийся человек, строитель, — выросший здесь, в этом театре: «отравленный» им навсегда. Быстренько сбросил ботинки, переделался в «фирменную» тельняшку и с разбега, босоногий, лёгкий, голубоглазый, влетел в спектакль-подарок Учителю. Для своего участия он выбрал «Пьяного дервиша» Николая Гумилёва, и это странное, тревожное стихотворение столетней давности с признанием «*Я бродяга и труппобник, непутёвый человек*», с трагической проходкой среди могил ушедших друзей, Рома прочёл так, как будто это, действительно, последнее признание и последняя зацепка за жизнь. Вот он становится на колени перед Зоей Николаевной, заглядывает её в глаза... Вот раскидывает руки, будто желая обнять весь мир. Вот приседает рядом с упавшим Лёшей Жирновым, кладёт руку на его плечо, повторяет заклинание: «*Мир лишь луч от лика друга, всё иное — тень его!*»

НАПЕВЫ РАДОСТИ — ИЗ БОЛИ

...Потом они выйдут все вместе, сплетут руки, образуя живой спасательный круг из собственных тел и голосов (так!), попытаюсь удержаться на кренящейся штормовой палубе (капитаны!): по-другому никак, по-другому тут не выжить, не спастись. Но молитва будет не о спасении брэнного тела. О другом:

*Играй в меня, играй во мне —
играй, играй, играй!
Напевы радости земной
из боли извлекай.
Я подыграю: Твой Посыл
Мне — больше, чем приказ.
И что там первый, что седьмой —
Всегда — последний раз!
Играй без фальши — я прошу! —
до совершенства правь...
Но Божью дудочку — свирель
мне навсегда оставь...*

(Галина Данильева)

В финале звучали, вероятно, самые любимые, самые нежные и одновременно самые ранившие строки. Гумилёвский «Заблудившийся трамвай» со страшным прозрением: «В красной рубашке, с лицом, как вымя, / Голову срезал палач и мне...». Фантастические скитальческие «Капитаны» — с тенью Летучего Голландца, бегущего над бездной. И мандельштамовское жгучее заклинание: «*Услышать ось земную, ось земную*». И услышат в ответ из первого зрительского ряда — да, я слышу — это вращения оси, это «*вечность бьёт на каменных часах!*»

Учитель-режиссёр ответит так же, стихами, встав со своего места и присоединившись к этой живой бессмертной цепи...

А Роман Лисин сыграет спектакль и последней, как говорится, лошадю — назад, в Москву. Это чего-то стоит?..

ФАНТАСТИКА «МЕТЕЛИ»

Но для меня это ещё был не финал. Дома я сделала — открытие. Рассматривала фотографии со спектакля. Что-то сбилось в настройках мо-

его фотоаппарата, и передо мной на мониторе мерцали странные размытые кадры из «Метели». Я сделала открытие — рассматривая снимки. Меня к этому приучил Георгий Ахадов, с которым я сотрудничала много лет и как критик, и как завлит. Он любил выявлять нелинейную геометрию театра — снимал спектакли с разных ракурсов, сверху, в двоящихся зеркальных отражениях, в «невидимых» сценах закулисья, смазанных движением актёрских проходах. Всё это придавало спектаклям, увиденным ахадовскими глазами и камерой, дополнительный, порой совсем неожиданный объём и новые смыслы.

Но Ахадова больше нет... Моя слабенькая камера в силу своих ограниченных возможностей пытается восполнить этот пробел. Как может. Чтобы не оставить меня без дополнительной информации. И объектив, кажется, «видит» нечто ускользнувшее от моего взгляда там, в театре. Нечто невидимое, скрытое между строк театрального текста. Я смотрю на снимки, запечатлевшие фрагмент из «Метели», и вижу удивительное и... пугающее. В мерцающем неверном свете — две фигуры в одинаковых плащах, по ним пробегает цветная рябь, всполохи огней. Они статичны, они вытянуты, как изображения на готических соборах. Они устремлены ввысь и — почти бестелесны. Да, именно. Именно это и пугает: исчезающая телесность. Резкий контраст: полная страсти и силы речь, повелительное «*Юная женщина! Вспомни!*» и — исчезающая, мерцающая телесность, растворяющаяся в потустороннем голубом свечении. На снимке они почти парят, не касаясь пола. Я не знаю, как это получилось. И что это? Знак того, что всё земное обречено и ненадёжно? Что иное, настоящее, обретается только по ту сторону реальности?..

Тут очень непростая для восприятия мысль, которая отторгается всем нашим земным и телесным существом. Но она — привычна для искусства религиозного, рассматривающего земной путь человека как преддверие того, будущего (настоящего) пути и состояния, когда «не все мы умрём, но все изменимся». Ведь иногда окна и форточки «оттуда» — распахиваются, и в каком-нибудь увиденном пейзаже, музыкальном фрагменте, любимом лице мы видим нечто большее, чем только картину природы, только музыку, только знакомые черты. Видим — иной слой, некий просвет между мирами, позволяющий обрести более чуткое зрение (и сердце, и сердце!) уже здесь, на Земле, и по-новому осознать ценность нашего мимолетного на ней пребывания.

И, конечно, это очень цветаевское: «*И расставались в лазури / Двое, низринутых в мир...*». Казалось бы: Цветаева — сама дерзость, нарушение всех и всяческих «правил», мятежная душа, бунтарка, а религиозная в принципе... Какая уж тут Вертикаль и подчинение ей? Казалось бы... Но настоящая поэзия — это всегда поиск и обнаружение Вертикали: в событиях, в творении, в собственной жизни. И, в конце концов, ведь первым из известных поэтов был царь Давид, воспевший на гуслях и цимбалах хвалу присутствию Бога в его жизни. А непревзойдённым шедевром любовной лирики была и остаётся библейская «Песнь песней».

БЕЗ ПРИЗМЫ? ИЛИ ВСЁ-ТАКИ?..

Ну, конечно, без этого не обошлось! Не получилось не вспомнить в этот вечер мою знакомую, которая когда-то раздражённо сказала: «Зоя Николаевна совершает недопустимое — уводит людей от жизни!». Ну, такой Крысолов.

Что вспомнили сегодня — хорошо. По сути, эта оценка театра Зои Куликовской, приведённая мною в одной из прошлых публикаций, и сегодня даёт некий полемический толчок в размышлениях об этом конкретном театре и о роли и месте театра в культуре и цивилизации в целом. И происходящее в ДК ГАЗ сегодня — во многом снова опровергает эту, довольно распространённую, позицию людей, остро ненавидящих «театральных Крысоловов».

Я сейчас уже не говорю о свершившихся судьбах таких «уведённых» театром молодых людей, как Саша Дривень (зрители со стажем помнят его блистательного незаштампованного Ромео 2004 года; спектакль в этом же году получил премию Нижнего Новгорода, и был он, кстати, как раз и об этом тоже: о выборе — ввысь, стремительно взрослея и становясь мудрее и богаче, но уязвимей, или остаться здесь, в горизонтальной плоскости «реальной», как любят это называть апологеты простоты, жизни). Я не говорю о стихах другой театральной «жертвы» — поразивших многих и, несомненно, для многих, кто их читал, ставших откровением и даже спасением. Я сейчас не об этом. Я — о «простом».

О ПИРОЖНЫХ

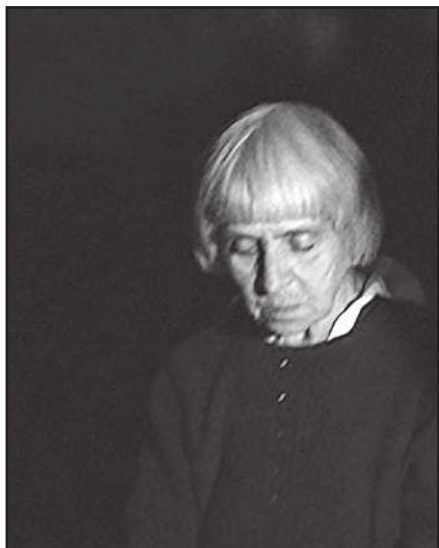
Вот где этот самый ненавистный «уход-увод», если, приходя сюда, в этот театр, видишь: люди живут полноценной, не скукоженной, жизнью, взрослеют, осуществляются в «основной» профессии, влюбляются, создают семьи. Семьями же — продолжают приходить сюда: если не играть, то — создавать театральную бутафорию, шить костюмы, осуществлять видео- и фотосъёмку. Как и почти во всяком театре, здесь постоянно бегают дети — особые, конечно, театральные дети. Отравленные? Уведённые? По праздникам здесь вы отведаете такие замысловатые блюда, какие и не снились престижным ресторациям. У людей есть время и желание делать разнообразные фантазийные салаты и печь изумительные торты. И они это умеют! Один из моих учителей, театральный критик Виктор Яковлевич Калиш, человек огромной эрудиции и искромётного «капустнического» таланта, насмешник и иронист, любил спрашивать нас на своих семинарах: «Девоньки мои, ну а руками вы что-нибудь делать можете?». Так вот здесь — могут. Руками. И потому мы сидим и уплетаем «фирменные» лимонные пирожные Галины Зоновой. Как раньше, в другую нашу встречу, разрывались между изысканным шоколадным тортом и тортом фруктовым одной из молодых актрис (вот, жаль, имени не помню, но узнаю!).

А за столом, да, снова звучат стихи. И жаркие дискуссии об искусстве, людях искусства. Актёр Иван Сивохин поздравляет своего учителя и режиссёра — стихами Бориса Пастернака. Считаю, что строки «*Быть знаменитым некрасиво, / Не это поднимает ввысь*» — это и есть программа Зои Николаевны, которой она следует всю свою жизнь. А озорная тройца в составе Елены Куликовой, Людмилы Жуниной и Надежды Коровниковой дарит юбиляру смешливую и динамичную водевильную сценку.

РАЗГОВОРЫ С НЕПОМНЯЩИМ

Было и печальное. Буквально накануне не стало знаменитого пушкиниста Валентина Непомнящего. Театру повезло — в свои последние месяцы Непомнящий через Елену Быстрицкую, профессора Мининского университета, общался с режиссёром и актёрами, отвечал на вопросы артистов, работавших над пушкинской «Капитанской дочкой». Елена Быстрицкая, дружившая с семьёй Непомнящих, бывавшая в их доме, вспоминает, как, затаив дыхание, слушала монологи Валентина Семёновича, его размышления о Пугачёве, Швабрине, «русском пути» и тотчас после драгоценной встречи, чтоб не забыть, не расплескать, звонила — с вокзала, из такси, отовсюду — Лёше Жирнову, чтобы он дословно всё записал и потом прочитал в театре. Так — совместно — они работали над пушкинским спектаклем, который ещё мало кто видел из-за карантина (какая поистине пушкинская «рифма!»), но который, конечно же, увидим.

А в этот вечер говорили о том, что живой памятью о Непомнящем будет длаящаяся работа театра над пушкинским текстом и пушкинскими глубинными смыслами...

*Фото автора
и из архива театра*

Сегодня Театр драмы и поэзии «Белый мост» уже можно назвать многосоставным мультимедийным проектом. У театра есть несколько абонементов и, насколько я знаю, их охотно раскупают: «Классика на все времена» (Гоголь, Чехов, Уильямс, Пушкин), «В театр всей семьёй» — детский абонемент с классическими же сказками («Снегурочка», «Аленький цветочек», «Огниво», «Морозко»), ну и, конечно, «Пристанище поэтов»: семь (семь!) полноценных поэтических спектаклей разных авторов. А ведь ещё есть театральная студия с талантливыми, выращенными здесь же, в театре, педагогами. И уж совсем удивительное — Бродский для детей: спектакль «Там, где кончается дым...» — о дружбе, мечте, счастье.

Вокруг театра сформировалось сообщество единомышленников — фестиваль-содружество «Град Китеж», и ежегодные встречи в рамках этого фестиваля освежают профессиональное и человеческое общение и создают определённую среду, так необходимую Нижнему, городу хоть и театральному, но достаточно консервативному и малоподвижному. Даже если формат фестиваля будет меняться, идея содружества, думаю, останется непоколебимой — как град Китеж.

И круги — расширяются. Возникают новые дружбы. В сотворчестве с заслуженным артистом России и педагогом Александром Мюрисепом рождается «Доктор Живаго» — смотреть этот спектакль мы будем уже на сцене Академического театра драмы...

Ребята сами, не дожидаясь ничьей технической или финансовой поддержки, создали на одном из Интернет-ресурсов аудиоблок с записями лучших стихов лучших авторов в исполнении артистов своего театра и продолжают пополнять этот бесценную сокровищницу. Причём это не только стихи о любви (что вполне понятно и ожидаемо), но и сложнейшая философская лирика, и патриотические — бессмертные строки о бессмертных героях Великой Отечественной: Симонов, Гудзенко, Ахматова, Друнина, Берггольц, Самойлов, Высоцкий... А читать без актёрской экзальтации и «профессиональных» завываний, следуя ритму и рифме, выявляя суть и смысл написанного, — этому артистов тут научили. Загляните по адресу https://vk.com/teatr_white_bridge. Уверю вас, вы получите огромное удовольствие и пищу для сердца и ума. И этот бескорыстный, но, безусловно, требующий многих затрат, духовно-просветительский проект — ещё один аргумент в пользу мысли о необходимости поэзии в повседневной — подчеркну это: повседневной! всегда и везде — утром за кофе, в машине, в метро, на кухне в наушниках — жизни. Необходимой как воздух, которым дышишь. Как вода для умывания или полоскания горла. Некоторые, кстати, пишут в комментариях: «Спасибо коронавирусу — остановил темп жизни, усмирил, дал возможность послушать подборки стихотворений, которые тронули до слёз»...

Думаю, что именно несут на сцену молодые актеры театра Куликовской — себя и свои эмоции (приправленные авторскими текстами) или всё-таки они, как и положено, «умирают» в актёре, уступив первенство собственному автору и его переживаниям? Чья сирень цветёт на сцене — Данильевой или Тани Парфёновой? Я-то думаю, что это и самодостаточный текст автора. И твёрдая режиссёрская рука, направляющая «куда надо». Другое дело, что, сколько бы ни писали теоретических трудов, сколько бы ни разрабатывали режиссёрских и актёрских методик, сколько бы ни пытались «уловить» в слово то, что происходит на сцене, когда актёр вживается в чужой текст и становится кем-то «другим» (зачастую меняясь не только пластически, но и физически), так вот, сколько бы ни пытались «объяснить» происходящее на сцене, остаётся место — для тайны.

При всех известных технологиях всё равно тайна — как эмоциональный личностный опыт актёра, его физика и психика, его голос (особая тема: голос!), его жесты становятся составной частью авторского замысла и авторского неповторимого текста (который тоже ведь обладает или обладал определённой психофизикой, другими — личностными — характеристиками). Зоя Куликовская — из тех немногих режиссёров, которые, при всём неукоснительном следовании профессии, оставляет место — для тайны. Признаёт её право на существование.

Возможно, отсюда именно — этот эффект «тотальной отравленности», немислимого сращивания личности актёров и героев. Этот эффект полного и безусловного погружения — когда уже не знаешь, чьё это переживание: Бродского? Гумилева? Цветаевой? Галины Данильевой? Или Нasti Новиковой, Татьяны Парфёновой, Лёши Жирнова? А может, и ни того и ни другого, а — моё собственное? Вытащенное откуда-то из забытых глубин эмоциональной памяти? Иначе, почему зрители разных возрастов плачут на цветаевской «Метели», или «Письмах из невозвратного» Галины Данильевой?

...Уведи меня, театр-крысолов, туда, где сердце моё сумеет избавиться от «окамененного нечувствия», как мы просим в вечерней молитве.

От редакции

Зоя Николаевна Куликовская — художественный руководитель театра драмы и поэзии «Белый мост» (Автозаводский народный театр) — режиссёр, создавший свой, особенный и неповторимый театр. Театр, наполненный высокими гуманистическими идеями, отличающийся страстной эмоциональностью, изысканностью формы, продуманностью репертуара и труппой, обладающей редким чувством ансамбля. Родилась в Белоруссии. Училась и окончила школу в г. Кыштыме Челябинской области. Затем — режиссёрское отделение челябинского культпросветучилища. Следом — Московский институт культуры, а впоследствии и режиссёрский факультет Шукшинского училища при театре им. Евг. Вахтангова. В 60-ые годы в городе Горьком проходила ассистентскую практику в ТЮЗе. Здесь, в Горьком, приняла предложение заслуженного деятеля искусства РСФСР Николая Васильевича Никольского, главного режиссёра Автозаводского народного театра (одного из первых любительских театров в СССР, удостоенных этого звания) стать руководителем студии театра. За десять лет студия выросла в театр со своим лицом. Многие бывшие студийцы стали профессионалами, работают на театральных подмостках России, во всех её уголках. Организовала театр-студию «Черный квадрат» в ДК железнодорожников. С 1994 года она — главный режиссёр народного театра ДК ГАЗа. Успешно и, творчески развивая, продолжает традиции великого советского театрального искусства. Многолетние режиссёрские поиски З. Н. Куликовской связаны с созданием своего глубоко метафорического театрального мира, каким является поэтический театр. Обретая нечасто встречающийся на подмостках сценический язык поэтического театра, она сумела собрать вокруг себя коллектив влюблённых в её театр людей, и молодых, и зрелых, устремлённых к лучшим проявлениям души человеческой. Член союза театральных деятелей РФ.

Александр Мюрисен

Заслуженный артист РФ